

М. Ф. Хартанович

Памяти ученого

Михаил Шмильевич Файнштейн (03.05.1948, Ленинград — 20.09.2003, Санкт-Петербург) — историк науки, культуры и литературы России и Латинской Америки, доктор исторических наук (2002), ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук.

До службы в армии Михаил Шмильевич не успел поступить в Ленинградский государственный университет, а когда вернулся из армии, приемные экзамены на дневное отделение уже закончились. Документы принимали только на вечернее отделение. Михаил мечтал поступить на отделение португальского языка, так как со школьной скамьи увлекался Латинской Америкой, историей испанской Конкисты, судьбой индейцев майя, инков, ацтеков и т. д. Португальский язык можно было изучать только на дневном отделении. Михаилу ничего не оставалось, как подать заявление на отделение русского языка и литературы. На испанском языке Михаил уже хорошо говорил, потому что изучал его в Клубе интернациональной дружбы Дворца пионеров. Таким образом, сложились многоплановые научные интересы ученого. Он увлеченно работал как в области истории Латинской Америки, так и в области истории отечественной науки и культуры.

Деятельность Российской Академии представляет собой замечательную страницу в истории отечественной культуры

и науки. В Российской Академии были подготовлены словари русского языка, оказавшие огромное влияние на развитие языка и грамматики, издавались труды российских ученых и переводы работ зарубежных авторов, повлиявших на развитие российского литературоведения, истории, языкознания. М. Ш. Файнштейн всю свою жизнь посвятил истории русской литературы, исследованию истории Российской Академии — одного из главных научных центров России конца XVIII — первой трети XIX в. Большое внимание ученый уделял изучению жизни и деятельности и ученых-филологов данного периода, и организаторов науки: Е. Р. Дашковой, А. А. Нартова, А. С. Шишкова и др.

Итогом этого исследования стали защиты М. Ф. Файнштейном в 1982 г. в Институте русского языка и литературы АН СССР (Пушкинском Доме) кандидатской диссертации по теме: «Проблемы словопроизводного словаря русского языка в трудах Российской Академии (1810–40-е гг.)» и в 2002 г. — докторской диссертации «Российская Академия (1783–1841) и русская культура в конце XVIII — первой половине XIX в.» в Институте истории РАН. На базе диссертации вышла книга «И славу Франции в России превзойти... Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук» (М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2002).

Также многие работы М. Ш. Файнштейна посвящены проблемам изучения Латинской Америки русскими учеными. М. Файнштейн ввел в научный оборот ряд документов о жизни и деятельности Симона Боливара, малоизученных или вообще неизвестных (Новые материалы Г. Г. Манизера по экспедиции в Южную Америку в 1914–1915 гг. // Проблемы исследования Америки в XIX–XX вв. Л.: АН СССР; ГО СССР, 1974. С. 73–74; Конкистадоры в Петербурге // В мире книг. 1975. № 2. С. 80; К 50-летию первой советской экспедиции в Латинскую Америку (1925–1928) // Латинская Америка / Академия наук СССР. Институт Латинской Америки. М.: Наука, 1975. № 5. С. 134–142; Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа // Известия ВГО. 1975. Т. 107. Вып. 6. С. 552–553 и др.).

В 2002 году вышел каталог «Нидерландика» («Neerlandica») — каталог документов, хранящихся в Петербургском филиале Архива РАН¹. В 2003 году здоровье Михаила Шмилье-

вича становилось все хуже и хуже, пришлось сделать операцию, и автор библиографии «*Neerlandica*» Эммануэль Вагеманс решил оставить вечный памятник уважения к М. Ш. Файнштейну — как ученому, как коллеге и как человеку, посвятив русско-нидерландскую библиографию именно ему².

В том же 2002 г. профессор Э. Вагеманс обращался к коллегам — в России, в Бельгии и Голландии — с призывом написать статью о судьбе голландцев в России; М. Файнштейн откликнулся и подготовил статью о первой женщине Голландии, которая занималась славистикой. Анна Круазе ван дер Коп еще до Первой мировой войны часто бывала в России, знала многих передовых российских ученых и много писала о русской и славянской литературе. Интересная и богатая судьба редкой ученой женщины того времени, когда во многих странах доступ в университет был закрыт для женщин. Михаил Шмильевич написал интересный и живой очерк о жизни и научной деятельности этой замечательной голландской славистки, целиком основанный на документах из его же архива. Статья сначала вышла в голландском сборнике, который Э. Вагеманс с профессором Ван Конингсбрюгге опубликовали по поводу 300-летия Санкт-Петербурга, а затем и в русском издании в том же году³. Это была последняя работа М. Ш. Файнштейна.

Михаил Шмильевич ушел рано из жизни, слишком рано. Остались планы, мечты о новых интересных работах, остались родные и друзья, которые помнят о нем как о человеке необыкновенных благородных душевных качеств, столь редких сегодня.

¹ Of Science and Scientists. *Neerlandica* in the Archive of the Academy of Sciences St. Petersburg. SPb.; Groningen, 2002.

² *Waagemans E., Willemsen C. Bibliografie van Russische literatuur in Nederlandse vertaling / Библиография русской литературы в нидерландском переводе 1789–1985.* Leuven: Universitaire Pers Leuven, 1991.

³ *Michail Fajnsjtejn.* Anna Croiset van der Kop: een Nederlandse aan de oevers van de Neva // Noord- en Zuid-Nederlanders in Rusland 1703–2003. Groningen, INOS, 2004. P. 393–409; *Файнштейн М. Ш.* Анна Круазе ван дер Коп (Croiset van der Kop): голландка на берегах Невы // Голландцы и бельгийцы в России XVIII–XX вв. СПб.: Алетейя, 2004. С. 407–422.

В. Биркенмайер

Воспоминания о М. Ш. Файнштейне

Впервые я встретился с Михаилом Шмильевичем весной 1992 г. В Петербургском историческом архиве на Сенатской площади меня направили в Архив Академии наук на Университетской набережной. После того, как я с некоторым трудом нашел во дворе Архив и несколько раз позвонил в звонок, я поднялся по шаткой лестнице на второй этаж. Там меня встретили директор Архива В. С. Соболев и его заместитель. Это и был Михаил Шмильевич. Уже из первого разговора очень скоро стало ясно, что Соболев выполняет лишь административную функцию, а настоящим «королем» Архива является Михаил Шмильевич. Под словом «король» следует понимать то, что Файнштейн имел полное представление обо всех имеющихся в Архиве фондах. Из разговоров с ним создалось впечатление, что он знает каждый хранящийся в Архиве документ и имеет о нем свою собственную точку зрения. С гордостью он рассказывал, что в «его» Архиве хранятся даже письма философа Лейбница. Когда он услышал, что я приехал из Гейдельберга, он тотчас показал мне оригиналы писем химика Бунзена, которые тот писал своим бывшим русским студентам. Кроме того, Михаил Шмильевич сказал мне, что Гейдельберг из далекого Ленинграда всегда казался ему очаровательным городом где-то вдали, о котором он мечтал, но не мог себе представить, что однажды его увидит.

В последующие годы установилось тесное сотрудничество между Отделением русского языка Института переводчиков Гейдельбергского университета и Ленинградским, с 1994 г. снова Петербургским, филиалом Архива Академии наук. Много раз сразу же после моего прибытия в Петербург Михаил Шмилевич встречал меня в Архиве. Как особую привилегию я расценивал то, что эти встречи в стенах Архива состоялись даже тогда, когда Архив был закрыт для доступа читателей ввиду неисправности системы безопасности. К приему всегда подавался чай и разные «закуски». Затем начинались доверительные разговоры о «Боге и мире» и размышления о совместных проектах. Первым успешным результатом такого сотрудничества было восстановление юбилейного сборника, который должен был выйти в Гейдельберге в 1912 г. к 50-летию основания библиотеки им. Пирогова. Из-за того, что разразилась Первая мировая война, этот юбилейный сборник не вышел.

М. Ш. Файнштейн нашел в фондах «своего» Архива на следие Сергея Сватикова, который в 1904 году учился у юриста и правоведа Георга Йеллинека и, как бывший русский гейдельбержец, с 1910 г. собирал воспоминания других русских гейдельбержцев для издания сборника. Все материалы Сватикова с его собственноручными выписками из книг о зачислении студентов в Гейдельбергский университет во второй половине XIX века М. Ш. Файнштейн предоставил для проекта «Русский Гейдельберг». В выпусках 25 (1994) и 25а (1995) сборника «*Russica Palatina*» (журнал русского отделения Института переводчиков) эти материалы были опубликованы. Том 25 содержит текст на русском языке, в томе 25а тексты из тома 25 переведены и прокомментированы. Кроме того, в томе 25 находится написанный М. Ш. Файнштейном обширный биографический очерк о Сергее Сватикове, который до сих пор воздает заслуженную честь русскому гейдельбержцу. Эти тома можно рассматривать как предварительную работу к изданной автором этих воспоминаний монографии «Русский Гейдельберг» (1995). Без неопределимой помощи Файнштейна эта монография никогда бы не появилась.

Во время многих посещений М. Ш. Файнштейном Гейдельберга, которые состоялись в рамках договоров на основании приглашений Гейдельбергского университета, мы вместе разбирали

трудно читаемые рукописные материалы к сборнику 1912 г. Также и после выхода этой монографии М. Ш. Файнштейн предоставлял Институту переводчиков документы, относящиеся к русскому Гейдельбергу, например, письма И. И. Янжула из Гейдельберга по поводу своего свадебного путешествия в 1873 г. Благодаря этому стал возможен выпуск целого ряда других номеров «*Russica Palatina*»: «*Heidelberg am Schnittpunkt russischer Lebensläufe*» (1999. № 33), «*Heidelberger Professoren in russischer Sicht*» (2000. № 34).

В связи с 200-летием перехода Суворова через Альпы я собирал свидетельства современников о прохождении русских войск по югу Германии, которые были опубликованы в моей книге «Как русские переходили через Альпы» (2001). Михаил Шмильевич оказал мне неоценимую помощь в розыске материалов для этой книги. На основании своих энциклопедических знаний он тотчас смог дать мне ценные указания по библиографии, например, указал на произведение Г. П. Драгунова «По следам Суворова в Швейцарии» (1995), в котором марш Суворова по Швейцарии представлен с точки зрения последних исторических исследований. Знакомство с этой книгой подтвердило мое предположение, что был исследован обратный путь Суворова через Швейцарию, а путь через юг Германии, который выбрали русские войска, еще неизвестен. На основе ксерокопий «Санкт-Петербургских ведомостей» 1800 года, которые мне предоставил М. Ш. Файнштейн, я смог восстановить квартиры русской армии в Верхней Швабии. Пространные контакты М. Ш. Файнштейна с музеями и библиотеками Петербурга позволили мне посетить музей им. А. В. Суворова и переговорить с сотрудниками даже тогда, когда музей был закрыт на ремонт.

Также и по моей актуальной теме о жизни Исаака Штейнберга (1888–1957), члена социалистической партии и политического деятеля еврейской диаспоры, М. Ш. Файнштейн смог дать мне ссылки на архивные материалы. До сих пор на моей книжной полке на почетном месте стоит книга «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века» (Москва, 1996), которую мне подарил М. Ш. Файнштейн и которой я благодарен за основополагающие знания о сегодня почти забытом Исааке Штейнберге. Поэтому М. Ш. Файнштейн является соиз-

дателем вышедших в серии «Russica Palatina» выпусков по этой теме: «Исаак Штейнберг и мир в Брест-Литовске» (2000. № 39), «Исаак Штейнберг: публицистика 1916–1923 гг.» (2003. № 42).

Во время посещения М. Ш. Файнштейном Гейдельберга у меня была возможность вести с ним долгие разговоры. Мы осматривали Шпейер, русскую церковь в Дармштадте и много раз проезжали мимо виноградников в горах Пфальц. При этом я узнавал некоторые особенности его биографии. Он сообщил мне, что сначала работал в Архиве Академии наук простым рабочим. К этой работе, которая состояла в том, чтобы перемещать материалы с одного места на другое, и восходят его феноменальные знания этих материалов, так как он ни в коем случае не ограничивался просто перемещением, а при случае и заглядывал в них. И еще долгое время, даже когда он стал научным сотрудником, он занимал в Архиве самую невысокую должность. По его собственным словам, Архив часто посещали иностранцы, которые хотели поговорить с ним о его научных публикациях. Тогдашнее руководство Архива пыталось всеми средствами препятствовать его контактам с ними, утверждая, что его, якобы, нет.

Часто в последние годы в Гейдельберге он произносил выражение «авитаминоз души». Русские повседневные реалии казались ему пронизанными этим недостатком жизнеутверждающих сил, и он все сильнее чувствовал это сам на своем слабеющем теле. По-настоящему счастливым он почувствовал себя в атмосфере внешнего и внутреннего покоя монастыря Нойбург на р. Неккар в Гейдельберге, где он несколько раз проживал в монастырской гостинице. Монахи знали его и радовались, что он разделяет с ними завтрак.

О своей собственной болезни (диабете) он говорил, что в «наших условиях» ее очень трудно лечить, имея в виду, что в России трудно достать соответствующие диетические продукты. Во время последней поездки в ноябре 2002 г. он уже ходил, опираясь на палку. Примерно за месяц до его смерти я говорил с ним по телефону последний раз. Его голос очень изменился. На мое замечание, что после моего переезда в Тюбинген в нашей совместной работе еще «многого впереди», он ответил, что «хочется верить». Это меня насторожило, потому что он не сказал, как обычно, «безусловно». Оглядываясь назад, я все еще радуюсь

тому, что он в этот непредусмотренный последний раз назвал меня «дорогой». Когда я прохожу мимо «его» Архива, у меня сжимается сердце оттого, что я его там больше не увижу. Радует то, что в будущем я смогу навещать семью Михаила Шмильевича, его жену Нину Александровну, детей Митю и Лиду и маму Нины Александровны Марию Спиридоновну, в кругу которых вместе с ним я провел много радостных часов. Там не было авитаминоза души.

Э. Вагеманс

Мой «португальский» друг Миша Файнштейн

Nu weet ik waaraan ik zal sterven:
Aan de oevers van de Taag.
Я знаю, к Тежу берегам
Смерть принесет меня.

*Jan Jacob Slauerhoff*¹

В 1994 году состоялось мое первое знакомство с Португалией. Летом мы с семьей съездили в эту страну в отпуск. Португалия среди бельгийцев пользовалась тогда гораздо меньшей популярностью. Ездили больше в Италию и Испанию. Португалия — во многих отношениях похожа на мою Бельгию: она маленькая, население всего около десяти миллионов, спокойный, покорный народ, много натерпевшийся от могучих соседей — испанцев, которые с насмешкой отзываются об их «смешном» языке. Португалия привлекла меня с первого дня. Приятный климат, красивый пейзаж, тихие, скромные люди, экзотический язык. Португальский язык отличается назальностью (которая сохранилась во французском, но которой нет ни в итальянском ни в испанском) и изобилием шипящих. Одним словом, славяно-романский язык, сочетание типично романских и типично славянских элементов. Я был влюблен. Во время нашей поездки по стране нас удивляло,

что португальцы не говорят на иностранных языках. Остановишь прохожего португальца, спросишь, как куда-то доехать, он тебе объяснит на португальском, не спеша, не волнуясь, хотя ты не понимаешь. Если ты не понял его, что чаще всего и случается из-за сложного выговора языка, то он не паникует, объясняет еще раз, третий раз, после чего бросает свои старания и желает тебе счастливого пути. Какая ведь разница — если ты не сегодня доберешься, то доедешь завтра, завтра — другой день. Вечная средиземноморская неспешность. Не волнуйся, все, мол, наладится.

В 1995 году мы решили вновь провести отпуск в этой симпатичной стране. На этот раз я не хотел ехать туда, не зная языка, и за месяц до поездки взялся за изучение тамошней грамматики. За три недели усвоил португальскую азбуку, купил карманный нидерландско-португальский словарь и поехал. В Португалии я говорил только на португальском. После поездки любовь к этой стране осталась, я продолжал изучать язык, немного занимался историей страны, приобрел справочник по португальским глаголам², таким же сложным и капризным, как русские глаголы, которые также имеют свою энциклопедию³. Во время своих занятий Португалией на досуге я столкнулся с одним очень интересным эпизодом из истории страны: землетрясением в Лиссабоне 1 ноября 1755 года. Мне стало интересно: знали ли в России об этом событии, очень сильно потрясшем западный мир? Начал искать⁴.

В 1996 году в Петербурге была организована международная конференция, посвященная 200-летию смерти императрицы Екатерины II. Этот уникальный шанс я не хотел пропустить и записался в докладчики. Эта конференция была первой попыткой в России наконец-то уделять внимание великому наследию умной женщины; в советское время ее представляли очень несправедливо, ее деятельность трактовали грубо, предвзято, без нюансов. К организаторам я обращался с вопросом, нет ли в Петербурге человека, который знает португальский и занимается португальско-русскими отношениями? Ответ был дан немедленно: это Михаил Файнштейн. Так в коридорах Пушкинского дома мы познакомились с Михаилом Файнштейном⁵. Первый разговор шел на португальском. Оказалось, что д-р Файнштейн владел не только этим романским языком, но всеми романскими языками, включая румынский. Мне повезло.

Но в лице Михаила Шмильевича я познакомился не только с полиглотом и лужитанистом, но и с *восемнадцативечником*⁶. Двух зайцев одним ударом⁷! Через Михаила я также познакомился с немецким славистом Франком Гёпфертом, на екатерининской конференции он прочитал доклад о переводах произведений Екатерины II на немецкий язык. Оказалось, что д-р Гёпферт вместе с Михаилом готовят библиографию всех переводов произведений русской императрицы на иностранные языки⁸. Я обещал помочь с нидерландским языком. В 1991 году я выпустил библиографию русской литературы на нидерландском языке⁹, поэтому я знал, что первое произведение русской литературы на нашем языке появилось в год Французской революции, и это была пьеса Екатерины¹⁰.

Вот как мое любительское пристрастие к Португалии привело меня к Михаилу Шмильевичу Файнштейну.

После конференции, материалы которой так и не опубликовали, о чем можно только сожалеть¹¹, мы с Михаилом стали переписываться. Тогда еще не существовало электронной почты, поэтому в начале нашей корреспонденции мы посылали наши письма «почтовым голубем» (было такое время!), а через несколько лет перешли на факс. Когда ко мне приходил факс от Петербургского филиала Архива РАН, я всегда говорил моей жене: «Это письмо от моего португальского друга», а директор Мишиного архива, Владимир Соболев, говаривал, получая мои факсы на фирменной бумаге моего университета (Католический университет Левена)¹²: «Миша, это твой католический друг пишет». Вот с какой кличкой человек входит в историю.

Будучи знатоком португальского языка, он, конечно же, знал выражение на этом языке, не очень-то лестное для русского уха: «о pegócio esta ruso», т.е. это неразбериха, белиберда. С Михаилом ничего такого никогда не было. Он был аккуратный человек, всегда держал свое слово, не подводил коллег, он был на все двести процентов надежный человек, с которым приятно работать вместе.

Я скоро убедился в том, что Миша великолепный историк литературы и культуры, знает всё, и — что очень важно — умеет найти всё. Поэтому я несколько раз обращался к нему с просьбами поискать для меня материалы, которые мне были недоступны. Конкретным результатом его поисков стала наша совмест-

ная статья об образе царя-плотника в нидерландской культуре. Статья была опубликована в престижном нидерландоязычном журнале, который изучает и пропагандирует нашу культуру¹³. Позднее эта статья вошла также в мою книгу о Петре Великом в Бельгии (в 1717 году) в русском переводе¹⁴. Моя книга о пребывании великого преобразователя в нашей стране полностью основана на архивных материалах — российских и бельгийских. Миша был одним из российских коллег, который любезно предоставил мне недоступные западным исследователям материалы. Я ему по сей день за это благодарен, так как этой книгой я особо горжусь. Дело в том, что много написано о Великом посольстве Петра в Голландию и Англию в 1697–1698 гг., но никто никогда не уделял должного внимания интересному эпизоду в жизни русского царя — его пребыванию в нашей стране по дороге из Нидерландов во Францию. В книге со всеми живыми подробностями мы рассказываем об этом коротком, но весьма богатом эпизоде из жизни победителя Карла XII.

С директором Петербургского филиала Архива РАН (того времени) Владимиром Семеновичем Соболевым мне посчастливилось лично познакомиться чуть позже. В 2000 году голландский историк Ханс ван Конингсбрюгге создал Нидерландско-Российский архивный центр на северо-востоке Голландии, в Гронингене. Цель НРАЦ заключается в систематическом изучении российских архивов и выявлении там всего, что связано с Нидерландами. Эта большая и очень ответственная работа доступна только работникам архивов, хорошо знакомым с имеющимися материалами. Заключив рамочный договор между нидерландским Государственным архивом и Росархивом, а затем с отдельными архивами, мы с коллегой ван Конингсбрюгге хотели, чтобы и Миша впредь работал именно в этом направлении. Судьба, увы, решила иначе. Мишина болезнь препятствовала исполнению наших надежд. Но кое-чего за несколько лет мы достигли.

В 2002 году вышел каталог «*Нидерландика*» (Neerlandica) — каталог документов, хранящихся в Петербургском филиале Архива РАН¹⁵. В 2003 году здоровье Миши становилось все хуже и хуже, пришлось сделать операцию, и я решил оставить вечный памятник нашего уважения к Мише — как ученому, как коллеге и как человеку, посвятив нашу русско-нидерландскую библио-

графию именно этому благородному человеку¹⁶. Человеку, который никогда не отказывал.

В том же 2002 я обращался к коллегам — в России, в Бельгии и Голландии — с призывом написать статью о судьбе голландцев в России. Миша откликнулся и обещал статью о первой женщине Голландии, которая занималась славистикой. Анна Круазе ван дер Коп еще до Первой мировой войны часто бывала в России, знала многих передовых российских ученых и много писала о русской и славянской литературе. Интересная и богатая судьба редкой ученой женщины того времени, когда во многих странах доступ в университет был закрыт для женщин. Миша написал интересный и живой очерк о жизни и научной деятельности этой замечательной голландской славистки, целиком основанный на документах из его же архива. Статья сначала вышла в голландском сборнике, который мы с проф. ван Конингсбрюгге опубликовали по поводу 300-летия Санкт-Петербурга, а затем и в русском издании в том же году¹⁷.

Насколько мне известно, статья эта — последняя в жизни и научной деятельности Михаила Шмильевича Файнштейна. Находясь в Петербурге в сентябре 2003 года в связи с пресс-конференцией о деятельности НРАЦ, я еще не успел навестить его, как телефонный звонок оповестил меня о смерти Миши. Повесив трубку, я стоял как пригвожденный к земле. Знал, что Мише плохо и больно, что желания дальше жить не хватало, но вот эта новость потрясла меня до глубины души.

Больно думать, сколько мы могли бы еще сделать вместе.

Миша, ты ушел из моей жизни рано, слишком рано. Но вечно будешь жить в моем сердце. Прощай, мой португальский друг. Жаль, что нам не суждено умереть на берегах Тахо.

¹ Ян Якоб Слауерхофф — голландский поэт (1898–1936), сильно полюбивший Португалию.

² *Silva E., Tavares A. Dicionário dos verbos portugueses. Porto, 1994.*

³ *Daum E., Schenk W. Die russischen Verben. Leipzig, 1971. 7-е изд. Самый трудный аспект русского языка для иностранца — его глаголы, которые так же капризны и непредсказуемы, как женщины, о чем поется в известной опере («la donna è mobile...»).*

- ⁴ Результатом поисков является моя статья «Литературно-философская интерпретация Лиссабонского землетрясения: португало-франко-русская теодицея», появившаяся в 22-м выпуске сборника «XVIII век» (2002).
- ⁵ Уже одна фамилия могла внушить уважение к ее носителю; только со временем я начал понимать глубину шекспировой мудрости: what's in a name? Ведь Файнштейн — говорящая фамилия: «тонкий, отшлифованный камень».
- ⁶ Очень жаль, что в русском языке нет слова, обозначающего человека, который изучает XVIII век, как французское dixhuitième. Поэтому я предлагаю этот неологизм.
- ⁷ На моем родном (нидерландском) языке говорят «одним ударом двух мух».
- ⁸ В 1996 году вышел их совместный труд: *Fajnszejn M., Göpfert F. Katharina II. Eine russische Schriftstellerin.* Wilhelmshorst, 1996, где Миша опубликовал статью «Екатерина II и развитие языкознания в России» (С. 27–38).
- ⁹ *Waegemans E., Willemsen C. Bibliografie van Russische literatuur in Nederlandse vertaling / Библиография русской литературы в нидерландском переводе 1789–1985.* Leuven: Universitaire Pers Leuven, 1991.
- ¹⁰ *Catharina de Tweede. De familietwist, blijspel in vijf bedrijven.* Amsterdam 1789, перевод пьесы «Расстроенная семья осторожками и подозрениями». Пьеса переведена с немецкого.
- ¹¹ По поговорке «scripta manent, verba volent».
- ¹² КУЛ (Katholieke Universiteit Leuven — Universitas Catholica Lovaniensis) — один из старейших университетов Европы, был создан в 1425 году.
- ¹³ *Fainstein M., Waegemans E. Peter de Grote in Zaandam // Ons Erfdeel.* 1997. № 5. С. 720–733.
- ¹⁴ Peter de Grote in de Oostenrijkse Nederlanden / Петр Великий на землях Бельгии. Antwerpen, 1998.
- ¹⁵ Of Science and Scientists. *Neerlandica* in the Archive of the Academy of Sciences St. Petersburg. SPb.; Groningen, 2002.
- ¹⁶ Russische bibliografie over Nederland en Russisch-Nederlandse betrekkingen / Русская библиография о Голландии в русско-голландских отношениях 1700–2000. Под ред. Э. Вагеманса, Х. ван Конингсбрюрге. СПб., Алетейя, 2003. Посвящается Михаилу Файнштейну.
- ¹⁷ *Fajnszejn M. Anna Croiset van der Kop: een Nederlandse aan de oevers van de Neva // Noord- en Zuid-Nederlanders in Rusland 1703–2003.* Groningen: INOS, 2004. P. 393–409; *Файнштейн М. Анна Круазе ван дер Кор (Croiset van der Kop): голландка на берегах Невы // Голландцы и бельгийцы в России XVIII–XX вв.* СПб.: Алетейя, 2004. С. 407–422.

В. В. Коломинов

Дорога к «Храму муз словесных»

В 1975 г. я закончил учебу на историческом факультете ЛГУ. Заведующий кафедрой истории России В. В. Мавродин предложил мне в развитие темы дипломной работы, написать кандидатскую диссертацию. Она получила название «История Российской Академии» (основание, структура, направления деятельности). Основной блок материалов для исследования хранится в Ленинградском отделении Архива Академии наук. Здесь я и познакомился с Михаилом Шмильевичем Файнштейном. Тогда он был еще техническим сотрудником Архива. Этот молодой интеллигентный человек, необычайно вежливый и предупредительный, был одет в ватник, на ногах кирзовые сапоги, в руках два огнетушителя. Из нашего разговора я узнал, что Миша закончил вечернее отделение филологического факультета ЛГУ. Наше знакомство продолжалось даже несмотря на то, что вскоре зал для работы исследователей в Архиве по распоряжению СЭС был на долгое время закрыт.

Отсутствие доступа к фондам значительно усложнило мою работу над диссертацией. И здесь на помощь пришел Миша. Прекрасно зная архивы города, он посоветовал мне обратиться в ЦГИА СССР (ныне — РГИА). Там, по его словам, хранится фонд Департамента народного просвещения. Ему была подчинена Российская Академия. Следовательно, по мнению Миши,

она ежегодно отчитывалась о своей финансово-хозяйственной деятельности.

Действительно, РГИА обладает пятью фондами, в разной степени отражающими деятельность Российской Академии. Это было спасение...

В 1976 г. я случайно обнаружил в «Вестнике Ленинградского университета» небольшую статью М. Файнштейна «Из истории создания “Словаря Академии Российской” (1789–1794)». В ней автор приходит к следующему выводу: «Работа по составлению первого нормативного словаря русского литературного языка вышла за рамки Российской Академии и привлекла внимание и участие представителей различных слоев русского общества конца XVIII века». Эта статья меня приятно удивила, так как я знал, что Миша предметом своих исследований избрал российско-латиноамериканские связи. В конце 70-х годов Файнштейн имел уже более 30 публикаций по этому направлению своей научной деятельности. Особенно к нему благоволил главный редактор журнала «Латинская Америка» С. А. Микоян. Большинство статей М. Файнштейна увидели свет именно в этом издании.

Вспоминается случай, свидетельствующий о том, как не просто складывалась судьба Миши как ученого. Это было в 1983 г. Проходя по Университетской набережной, я решил зайти в Архив Академии и повидать М. Файнштейна. Встретил его при входе в здание. Он был в рабочей спецовке с какими-то емкостями в руках. Потом я узнал, что Миша подрабатывал в Архиве, проводя дезинфекцию фондов с использованием формалина. Лицо Миши излучало радость. Он сказал: «Хочешь, удивлю тебя? Лезь в карман». Из нагрудного кармана я достал письмо, адресованное «профессору М. Ш. Файнштейну», где он приглашался ЮНЕСКО выступить с докладом на международном симпозиуме, посвященном 200-летию со дня рождения Симона Боливара. Увы, в то время Миша был «невъездным». Нашу страну на симпозиуме представлял другой человек. А жаль. М. Файнштейн ввел в научный оборот ряд документов о жизни и деятельности Симона Боливара, малоизученных или вообще неизвестных. Возьмем, к примеру, произведение Ж-Б. Шампаньяка «Пустынник Чимборасский». Оно впервые увидело свет

благодаря распоряжению неперменного секретаря Российской Академии Д. И. Языкова. В 1838 г. книга впервые была напечатана в количестве 600 экземпляров в типографии этого научного учреждения.

Летом 1981 г. на историческом факультете ЛГУ я защитил диссертацию по избранной теме. Во время защиты больше всех за меня «болел» Миша. Это было вызвано рядом причин. Тема крайне редко привлекала к себе внимание исследователей. Она проходила в ряде небольших статей, написанных тенденциозно. Это и понятно: последние три десятилетия Российскую Академию возглавлял адмирал А. С. Шишков — личность неординарная, вызывавшая как в дореволюционной, так и в советской научной литературе явно отрицательное отношение. В целом, даже в научных кругах, направление деятельности Российской Академии представляли смутно. Часто Российскую Академию отождествляли с Российской Академией наук. А ведь первая занималась, прежде всего, изучением проблем русского языка и до 1841 г. являлась самостоятельным научным учреждением со своим уставом, бюджетом и пр.

Через год М. Ш. Файнштейн в Институте русского языка и литературы АН СССР (Пушкинском доме) защитил диссертацию по теме: «Проблемы словопроизводного словаря русского языка в трудах Российской Академии (1810–40-е гг.)». Разумеется, я присутствовал на защите. Миша аргументировано изложил свой взгляд как на личность адмирала, так и на лингвистические работы, которые осуществлялись в Академии под его руководством. Необходимо отдать должное смелости соискателя. Его выводы о научной деятельности А. С. Шихова шли вразрез со всем тем, что было сказано и написано ранее. На защите развернулась бурная полемика. Особенно усердствовал один из членов Ученого совета. После каждого выступления в поддержку соискателя он брал слово. Обращаясь к присутствующим, он говорил: «Молодой человек опубликовал множество статей по русско-латиноамериканским связям, а диссертацию защищает по словарным работам Российской Академии. Это непонятно». В последнем своем выступлении он процитировал известную эпиграмму шестнадцатилетнего активного «арзамасца» А. Пушкина:

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш — Шаховской, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Смотрю, Миша как-то сник. Я решил поддержать его. Я долго «тянул руку», просил разрешения выступить, но меня почему-то не замечали. В поддержку соискателя выступила целая «команда» женщин из Института русского языка. Одна из дам даже сказала, что во время переезда Института в новое здание Файнштейн помогал носить шкафы со знаменитой картотекой. Я опять «тяну руку». Наконец Домашнев, обращаясь ко мне, произнес: «Представьтесь, пожалуйста». Я сказал, что работаю в Ленинградском инженерно-экономическом институте. В зале недоумение... Но когда я сообщил, что год назад защитил диссертацию по теме «История Российской Академии» и разделяю научные взгляды соискателя, все встало на свои места. В выступлении я процитировал написанные уже двадцатипятилетним Пушкиным строки из «Второго послания к цензору», в котором, отдавая должное адмиралу, поэт писал:

Обдумав, наконец, намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правленье воспринял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа.
Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил.

Миша успешно защитил диссертацию и стал кандидатом филологических наук.

1983 год был значительным в истории русской и славянской филологии — исполнилось 200 лет со дня основания Российской Академии. Мы с Мишей написали статью к этому юбилею. Показали Д. С. Лихачеву. Он одобрил работу, и, как член редколлегии, рекомендовал опубликовать ее в «Вестнике Академии наук СССР». Окрыленные лестным отзывом академика, мы отправили статью в Москву. Увы, юбилей Академии был отмечен

в «Вестнике» статьей двух московских авторов, которые представили деятельность этого научного учреждения традиционно, без анализа и современной оценки его работы.

В конце 1987 года мне позвонил профессор Александр Сергеевич Мыльников — широко известный учёный-славист. На моей защите диссертации он выступал как оппонент. Сделав ряд существенных замечаний, Александр Сергеевич, однако, с похвалой отозвался о работе, более того, он рекомендовал опубликовать ее в виде книги. «Благи пожелания всеу» — подумал я. И вот через три года подарок — Александр Сергеевич зарезервировал для меня в ЛО издательства «Наука» 10 печатных листов. Первым, с кем я поделился неожиданной новостью, был, конечно, Миша. Более того, я предложил ему стать соавтором. И, как показало наше творческое сотрудничество, я не ошибся. Миша принял на себя написание глав, посвященных вопросам филологических исследований и международным связям Российской Академии. Я же осветил структуру научного учреждения, провел исследование его уставов, изложил свое представление о деятельности в Академии ее члена А. С. Пушкина.

Так как мой взгляд на отношение поэта к работам научно-го учреждения значительно расходился со сложившимся стереотипом, мне нужен был союзник. Им стал Миша. Он очень помог мне. В частности, соавтор обратил внимание на то, что Пушкина как историка и филолога интересовали проблемы, которые находились в русле исследовательских программ Академии. М. Ш. Файнштейн обращает внимание на то, что Пушкин в последние годы жизни серьезное внимание уделял проблемам языкознания. В одном из набросков по лексикографии, по мнению Михаила, поэт со ссылкой на Шишкова предлагал умеренно и осторожно использовать в родном языке заимствования.

В подтверждение своих выводов Миша проводит параллель. В 1834 году Пушкин опубликовал «Песни западных славян», и в то же время в Российской Академии наблюдается расцвет славянских исследований. Устанавливаются тесные связи с учеными из Чехии, Сербии, Хорватии. А. С. Шишков поощряет занятия славянскими древностями А. Х. Востокова, Ю. И. Венелина, В. Караджича, П. Шафарика.

Мы долго искали название книги, в этих поисках появилась эпитафия к ней. Миша в качестве его предложил строки из «Стансов на основание Российской Академии в 1783 году». Они были написаны М. В. Сушковой — известной переводчицей и поэтессой.

Среди веселия Российского Парнаса,
Когда любимцам муз созижден новый храм,
Отколе тщеньем их и силою их гласа
Польется точный смысл реченьям и словам,
И где со временем язык обогащенный
Отринет слов чужих несвойственную смесь...

Именно в «Стансах» мы нашли для названия книги ключевое слово «ХРАМ». Дальше было проще. Галантный восемнадцатый век представил на российском Парнасе новую музу — Российскую Академию. Она призвана была дать «точный смысл реченьям и словам». Так появилось название «Храм муз словесных».

Работа над книгой длилась вплоть до начала 1986 года. В феврале мы уже держали в руках ее сигнальный экземпляр. Радость была несказанная: первая книга, да в таком серьезном научном издательстве, как «Наука». Тираж был распродан в течение полугода. Выход книги в свет мы отмечали дома у научного редактора, незабвенного Александра Сергеевича Мыльникова. Он открыл нам с Мишей путь в академическую науку.

Книга получила положительные отзывы ученых. В журнале «Советское славяноведение» М. Ю. Досталь и М. В. Никулина писали: «Работа представляет опыт комплексного исследования <...> содержит много новых фактов и заслуживает серьезного внимания специалистов по истории славяноведения и шире — по истории культуры России конца XVIII — первой половины XIX века». В. Н. Сергеев в журнале «Русская речь», № 2 за 1988 год отметил: «Авторы книги “Храм муз словесных” убедительно показали, что возникновение Российской Академии было обусловлено лучшими просветительскими традициями русской культуры, а также и требованиями отечественной науки».

«Одно из первейших достоинств книги, — писал А. Ходоров в журнале «Звезда», № 12 за 1986 год, — авторы с не часто со-

блюдаемыми в таких случаях объективностью и чувством исторической меры избегают соблазна идеализировать своих героев, умолчать о том, что и сегодня не украсит в глазах читателя». В письме к авторам известный специалист по славянофильству, профессор Московского университета С. С. Дмитриев писал: «Книга, несомненно, удалась. Содержание богатое, объем не большой, изложение простое».

Интересный эпизод возник в памяти. В 1994 году в конференц-зале СПб. Научного центра РАН проходила Международная научная конференция, посвященная 250-летию со дня рождения Е. Р. Дашковой. В качестве гостя на этом научном собрании присутствовал один из потомков рода Воронцовых, Александр Илларионович Воронцов-Дашков, приехавший из США. Мы с Мишей решили подарить ему нашу книгу. И, когда мы собрались вручить ему наше «детище», услышали: «Спасибо, господа, эта книга занимает достойное место в моей библиотеке, я ее приобрел по международному книжному обмену еще в 1986 году». Нам было приятно...

В последующие годы после выхода в свет книги мы с Мишей продолжали сотрудничать. В частности, на Международной научной конференции «Екатерина Великая: эпоха российской истории» по предложению члена организационного комитета М. Ш. Файнштейна я выступил с докладом «Основание Российской Академии».

Став выездным и побывав в Латинской Америке, Европе, Миша значительно расширил круг своих научных интересов. Он стал заниматься исследованиями в области русско-немецких культурных связей. Однако Миша не забывал и свою «первую любовь» — Латинскую Америку. Его также увлекала история женского движения в России. Он сумел и меня заинтересовать этим направлением научных исследований. Мы выступали с докладами на нескольких конференциях, посвященных роли женщин в истории культуры России.

Мне думается, что вершиной творческой деятельности Михаила Шмильевича Файнштейна стала успешная защита докторской диссертации «Российская Академия (1783–1841) и русская культура в конце XVIII – первой половине XIX в.» в Петербургском филиале Института российской истории.

Основой для своей работы автор принял деятельность Российской Академии. Я присутствовал на защите, выступал в поддержку соискателя.

Последний раз я повидался с Мишей в больнице РАН в августе 2003 года. Перенес сложнейшую операцию, он был полон творческих планов. Очень радовался тому, что Архив, которому он отдал три десятка лет, заботливо относился к нему. Я напомнил, что много лет тому назад он с таким же теплом относился к Елене Сергеевне Кулябко, обихаживал ее, что доброжелательность среди сотрудников, взаимная забота — это традиция, переходящая от поколения к поколению архивистов Петербургского филиала Архива РАН. Миша настаивал на своем: он должен отблагодарить своих друзей-архивистов, поддержавших его в непростой ситуации.

Увы, не успел...

Н. А. Веселова

Воспоминания

Моя первая встреча с моим будущим мужем Михаилом Файнштейном произошла в здании Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР, куда меня пригласили работать на должность научно-технического сотрудника. Первым человеком, которого я встретила там, и был Михаил. Это произошло в феврале 1972 г. Михаил вышел из читального зала с ведром и тряпкой в руках (он был тогда рабочим), в рабочем халате черного цвета, посмотрел на меня с некоторым любопытством и спросил: «Вы к кому?». Я ответила: «Позовите, пожалуйста, Нину Сергеевну». Интерес ко мне погас в его глазах, и он удалился за дверь.

В Архиве я исполняла обязанности секретаря, вела дело-производство, занималась кадрами и снабжением. Михаил находился в моем подчинении. По долгу службы мы много времени проводили вместе. Кроме того, вечером мы вместе учились на филологическом факультете Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. Миша учился на отделении русского языка и литературы, я на отделении немецкого языка и литературы. В университете мы встречались на общих лекциях в актовом зале, в библиотеке, в буфете и т. д. Иногда Михаил навещал нашу группу во время перерыва между лекциями. Потом позднее выяснилось, что моя подруга Галя, с которой я училась

в одной группе, также знает Михаила, поскольку они вместе посещали подготовительные курсы для поступления в университет. Галя и ее муж Валерий стали нашими близкими друзьями на всю жизнь и впоследствии очень помогли мне перенести потерю мужа.

До службы в армии Михаил не успел поступить в Ленинградский государственный университет, а когда вернулся из армии, приемные экзамены на дневное отделение уже закончились. Документы принимали только на вечернее отделение. Михаил мечтал поступить на отделение португальского языка, так как со школьной скамьи увлекался Латинской Америкой, историей испанской Конкисты, судьбой индейцев майя, инков, ацтеков и т. д. Португальский язык можно было изучать только на дневном отделении. Михаилу ничего не оставалось, как подать заявление на отделение русского языка и литературы. На испанском языке Михаил уже хорошо говорил, потому что изучал его в Клубе интернациональной дружбы Дворца пионеров. Также у Михаила был друг из Венесуэлы Мигель Монсерат, который учился в СССР и являлся прямым носителем испанского языка. Мигель был членом Коммунистической партии Венесуэлы, а его отец — членом какой-то оппозиционной партии. Как-то раз у нас в гостях они чуть было не подрались на почве политических разногласий. Михаил совершенствовал свой испанский язык в беседах с Мигелем. Дружба с Мигелем продолжалась до его отъезда на родину. Мигель научил Михаила готовить яичницу с помидорами и мясо по-венесуэльски с большим количеством специй, перца и добавлением уксуса. Мигель был также свидетелем на нашей свадьбе, которая состоялась 25 декабря 1975 г. После возвращения Мигеля в Венесуэлу связь с ним была потеряна. Мы предполагали, что его посадили в тюрьму, так как в то время к власти в Венесуэле пришла та самая оппозиционная партия, в которой состоял его отец.

Михаил никогда не останавливался на достигнутом. Он совершенствовал не только свой испанский язык, но и изучал самостоятельно португальский и итальянский. Португальский ему был нужен для углубления знаний по Латинской и Центральной Америке, а итальянский — для общения со своими итальянскими друзьями, переписка с которыми завязалась еще

в Клубе интернациональной дружбы, и также со своей первой любовью, итальянской девушкой по имени Амбра. Отношения с Амброй так и не смогли развиваться, так как в то время связь с иностранцами не поощрялась, а брак — тем более. Амбра вышла замуж за своего соотечественника, родила ребенка, а Михаил еще долго не женился.

В группе, где учился Михаил, были одни девушки, красивые и веселые, и он чувствовал себя среди них очень хорошо. Он поддерживал с ними связь в течение всей своей жизни. Звонил им, поздравлял с праздниками, спрашивал о делах. Михаил был хорошо воспитан, обладал феноменальной памятью и знал день и час любого нашего житейского события. Он мог, например, сказать, в платье какого цвета я была 10 лет тому назад, и куда мы ходили, какой фильм смотрели, и в какое время был сеанс. Хорошая память помогала ему учиться, хотя, если он что-то не знал, он терялся и иногда не сдавал зачет или экзамен. Он не мог, как другие студенты, списать, подсмотреть или сделать еще что-нибудь нехорошее, лишь бы все-таки сдать экзамен. Сейчас также ведет себя наша дочь Лидия. Если она не знает предмет достаточно хорошо, она просто уходит с экзамена. «Я не могу позориться», — говорит она. Лида пошла по стопам отца. Она изучает русский язык и литературу в РГПУ им. А. И. Герцена.

Наша дочь Лидия родилась 5 ноября 1981 г. и была в семье долгожданным ребенком. Детей у нас не было в течение 6 лет. Когда должна была родиться дочь, Михаил уже заканчивал аспирантуру и должен был вскоре защищать диссертацию на присвоение ученой степени кандидата филологических наук. Чтобы собрать материал для диссертации, он рано вставал, приезжал в Архив до начала работы и писал, писал. Дома условия были не всегда благоприятные. Квартира у нас небольшая, двухкомнатная, а жили мы вместе с моей мамой Марией Спиридоновной, а какое-то время и с моим братом Сергеем, его женой Ларисой и маленькой племянницей Алей. Следует подчеркнуть еще одно прекрасное качество Михаила. Он прожил с тещей более 25 лет и никогда ничем ее не обидел, как, впрочем, и она его. Они понимали друг друга даже лучше, чем я Михаила и маму. Мама называла его сыном и старательно готовила для него диетическую еду, когда врачи обнаружили у него сахарный диабет.

Миша очень любил дочь, называл ее «Тютюней», потому что она, когда была маленькая, любила играть в прятки и откликаться на «тют-тют». В деревне Покров Калининской (ныне Тверской) области, где мы летом отдыхали, он в дождь закутывал Лиду в одеяло, садился вместе с ней на крылечко. Они оба любили слушать дождь и смотреть на трясогузку, которая ходила по соседней крыше, или на ласточек, вылетающих с нашего чердака. Каждую весну мы ждали их прилета с юга, и, когда они прилетали, сразу же становилось веселее. Нам было радостно оттого, что ласточки прилетают именно в наш дом, что им у нас хорошо, и они считают его своим. А осенью, когда мы копали картошку, ласточки собирались в стаю уже вместе со своими выросшими детьми, их было уже не двое, как весной, а целое семейство. Небольшая стайка рассаживалась на электрических проводах, протянутых около дома. Нам почему-то казалось, что ласточки-родители дают своим детям последние наставления перед отлетом в теплые края.

Михаил, не привыкший к деревенской жизни и к деревенской работе, старался и огород копать, и строить, и крышу крыть, и забор чинить. Первый раз мы крыли крышу дранкой или лучинкой, как ее раньше называли в деревнях. Миша никогда этого не делал. Он внимательно изучил процесс наложения дранки и потом без всяких проблем покрыл всю крышу. Физическая работа была для него отдыхом от умственного труда. Но интерес к науке всегда был у него на первом плане. Он и в отпуск взял с собой папку с материалами для какой-нибудь новой статьи. Свои бумаги он раскладывал в палисаднике на столике, прибитом к высокому пню спиленной яблони, погибшей от мороза, и писал, как Ленин в шалаше в Разливе. Михаил очень любил деревенскую природу, речку Волчину и лес, сосновый бор, куда он ходил собирать грибы-моховики. У него было свое любимое место в бору, у муравейника, где он всегда находил хотя бы один гриб. Он был настоящий грибник: найдет один гриб и ходит, ходит вокруг, так и наберет целую корзинку. А еще он любил баню, нашу вросшую от старости в землю баню, которая топилась по-черному, но пар в ней был просто великолепный, сухой, с дымком и запахом трав, заваренных в котле. Михаил мог сидеть там целую вечность, я даже иногда начинала беспокоиться.

Но он любил просто посидеть в тишине, подышать паром, даже не париться.

Несмотря на свой, казалось бы, мрачный вид и замкнутость, он умел находить общий язык почти со всеми деревенскими жителями, с которыми встречался. Они очень уважали Михаила за его вежливое и доброе к ним отношение. Особенно он подружился с местной интеллигенцией: главным механиком совхоза Василием Николаевичем и его женой, заведующей детским садом Евдокией Петровной. Он любил ходить к ним в гости, беседовать на разные темы, спорить о политике. Деревня после перестройки была настроена прокоммунистически, Михаил доказывал преимущества демократического строя. После смерти Михаила все сочувствовали мне и очень его жалели.

В августе 1985 г. у нас родился сын Дмитрий. Он родился в клинике Отто на Менделеевской линии почти рядом с Архивом. Миша прибегал к нам в обеденный перерыв, стоял под окнами, и мы разговаривали, крича друг другу, иначе ничего не было слышно. В тот день, 28 августа, когда на свет появился Митя, родилось еще много мальчиков и девочек именно в этой клинике, так как она была в этот день дежурной больницей. 28 августа — это религиозный праздник: Успение Пресвятой Богородицы. Видимо, Богу было угодно, чтобы в этот день родилось много детей. Когда у меня начались схватки, Михаил был на работе. Я сама вызвала себе «Скорую помощь» и позвонила ему, он примчался одновременно со «Скорой». Машина летела по Невскому проспекту с сиреной, так как выяснилось, что медлить было уже нельзя.

Если с Лидой мне помогала мама, то Дмитрием после выписки из роддома мы занимались сами. Михаил помогал мне его купать, покупал все необходимое, гулял с ним. Но, гуляя с ребенком и везя перед собой коляску, Михаил не отрывался от науки ни на одну минуту. Одной рукой он вез коляску, а в другой у него была какая-нибудь научная книга, которую он читал на ходу. Теперь мне кажется, что он первый стал так делать, а затем многие папы стали ему подражать и читать так же, одной рукой поддерживая коляску и двигая ее вперед, а другой держа раскрытую книгу. Когда Дмитрий подрос, нужно было определить его в школу. Миша пошел с ним в школу на собеседование,

чтобы записать его в престижный класс. Им обоим не захотелось долго ждать в очереди, и он записал его в самый последний класс «Д», как мы потом называли, «класс дураков», где Митя проучился 3 года. Затем наш папа все-таки исправил ошибку, сходил к директору школы и перевел мальчика в другой класс, где изучали два языка, английский и немецкий, и компьютер. Наш сын Митя — очень своеобразный мальчик. В детстве он мог исчезнуть на целый день, не сказав никому ни слова. Я всегда волновалась, вдвоем с Мишей мы летом в деревне бегали из одного конца в другой, разыскивая его. Я очень нервничала, а Михаил всегда скрывал свое волнение и всегда первым его находил. Однажды он нашел его вместе с другими детьми на крыше сарая, куда они забрались, а слезть не смогли, сидели и ревели. Михаил снял их осторожно и даже не наказал сына. Но зато, когда папа тяжело заболел и почти не мог двигаться, Митя ухаживал за ним, пока я была на работе, так как он приходил домой из лица первым. Он ухаживал за отцом трогательно и нежно, подавал ему еду, убирал, помогал вставать и садиться.

Немецкий язык и литература — это моя специальность. По диплому я филолог-германист, учитель немецкого языка. Видимо, потому, что в жизни все взаимосвязано, расписано и разложено по полочкам, Германия стала для Михаила очень близкой и любимой страной. Фамилия Файнштейн также имеет немецкие корни. Впервые Михаил поехал в Германию на Международную конференцию, посвященную русским женщинам-писательницам, его пригласил туда профессор Института славистики университета Потсдама Франк Гёпферт. Профессор Ф. Гёпферт разыскал Михаила в ЛО Архива АН СССР, что было для Миши полной неожиданностью. А поводом для приглашения послужила Мишина книга «Писательницы пушкинской поры». На этой конференции Михаил познакомился со славистами из Англии, Италии, Польши, США, Финляндии и других стран. Знакомство переросло в крепкую дружбу и деловое партнерство. А профессор Ф. Гёпферт и его жена Рената стали для нас родными людьми. Оба они родом из бывшей ГДР, учились у нас в России, оба знают русский язык и хорошо на нем говорят. Когда Михаилу было трудно, тяжело на душе или даже просто отчего-то грустно, он брал трубку, набирал номер

Франка, говорил с ним и оживал. Безмерно добрый, отзывчивый, всегда приходящий на помощь профессор Ф. Гёпферт всегда был для Михаила целебным живительным источником, больше, чем просто другом, соратником. Он был для Михаила той светлой личностью, которая давала ему импульсы вдохновения, радости и уверенности в правильности того или иного решения.

Еще два профессора стали для Михаила близкими добрыми друзьями. Это профессор Гейдельбергского университета Вилли Биркенмайер и профессор из Бельгии Эммануэль Вагеманс. Добрые и отзывчивые, они не оставляли друга в беде, помогали и словом, и делом, когда ему было трудно и морально, и материально, когда болезнь схватила его за горло...

Конечно, работа была у Михаила на первом месте, много времени он проводил в библиотеках и архивах, но при этом не забывал и о домашних делах: ходил в магазин, покупал продукты. Детей он баловал и часто приносил им что-нибудь вкусненькое: торт, конфетки, пирожные. Из Москвы привозил пастилу, у нас в Петербурге ее почему-то не было. Мог два часа стоять в очереди за бананами или каким-нибудь другим дефицитным продуктом. В начале перестройки стало совсем плохо. Зарплату задерживали. Михаил подрабатывал, где только мог. Он мыл окна, читал лекции, писал небольшие заметки в газеты и журналы. Вообще-то он трудился всю жизнь с 16 лет, но, как он сам выражался, так и не дорос до средней зарплаты, даже когда стал доктором исторических наук. Он учился в вечерней школе и работал в часовой мастерской, чинил будильники, затем учился в университете также на вечернем отделении и одновременно работал рабочим в Архиве.

Архив Российской Академии наук стал для Михаила вторым родным домом. Если по радио объявляли штормовое предупреждение или угрозу наводнения, Михаил, независимо от того, было ли это поздним вечером или ночью, уезжал в Архив и дежурил там до окончания тревоги. Он очень любил Архив, прекрасно понимая всю ценность хранимых там материалов. Сколько их прошло через его руки, ведь, будучи рабочим, он постоянно занимался обеспыливанием документов. Папку или коробку нужно было снять с полки, развернуть, вытереть изнутри и снаружи, завязать и снова поставить на полку. Главный хранитель

Архива давала ему большие нормы, но он все-таки успевал их выполнить, да еще и почитать документы, там хранящиеся. Материалы были настолько интересные, что он иногда увлекался и забывал о работе, за это получал выговор. Зато материалы Архива никто лучше его не знал. Он мог сразу же, немного подумав, ответить на вопрос, есть в Архиве такие данные или нет. Блестящее знание архивных материалов очень пригодилось ему, когда он стал руководить информационной группой и консультировать многочисленных русских и зарубежных читателей. Читатели были ему чрезмерно благодарны за оказанную помощь. Он помог многим исследователям выбрать тему научной статьи, а некоторым студентам и аспирантам подсказал и сформулировал тему дипломной работы и диссертации.

Миша проработал в Архиве более 30 лет, пройдя нелегкий путь от мальчика-рабочего до зрелого серьезного исследователя, доктора исторических наук. Сотрудники Архива отметили 30-летний юбилей его трудовой деятельности, с любовью и теплотой поздравили Мишу. Миша тогда был уже серьезно болен, но старался принести пользу Архиву, не оставляя своей исследовательской деятельности. На Мишин юбилей на меня снизошло вдохновение, и я написала ему стихотворение, которое ему очень понравилось.

Михаил был чрезвычайно ответственным человеком. Если он что-то обещал, то обязательно выполнял. Лида в школе изучала французский язык. У нас не было большого русско-французского словаря. Михаил обещал ей купить и купил, как потом выяснилось, даже два словаря. А сколько книг он покупал по просьбе друзей и знакомых! И всем отсылал либо по почте, либо с оказией. И мне он покупал немецко-русские и русско-немецкие словари. Однажды в магазине «Старая книга» купил даже антикварный технический словарь в двух томах, в красивом старинном переплете. Я работала в научно-исследовательском институте в отделе научно-технической информации, мне поручили подготовить справку по алюминиевой промышленности Венесуэлы и Бразилии. Михаил собрал для меня тогда огромное количество материалов, начиная чуть ли не со дня основания этих стран. Конечно же, я тоже помогала ему: переводила статьи, письма, делала компьютерный набор текстов его статей и

книг. Общее филологическое образование помогало нам лучше понимать друг друга.

Сахарный диабет — скверная вещь. Он разрушил его организм таким же образом, как ржа разъедает металл. Главная атака была на сердце, потому что сердце Михаила было добрым и отзывчивым на любую просьбу. Все знают, что он старался выполнить просьбу, чего бы ему это ни стоило. Диабет у Михаила обнаружили в 1983 г. Его направили в больницу на ул. Вавиловых. Там он пролежал около месяца, на примерах других больных увидел много отрицательных сторон диабета, его побочных явлений и стал строго соблюдать предписанную ему диету. Нужно особо подчеркнуть, что он обладал огромной силой воли. В течение нескольких лет он придерживался диеты довольно строго, четко и аккуратно принимал таблетки. Наша семья вместе с ним привыкла к овощам и овощным блюдам. Когда в праздники мы пекли пироги, он приходил на кухню, нюхал свежеспеченные изделия, но никогда не соблазнялся и не пробовал пирог, хотя мы его и уговаривали это сделать. Трудно сказать, что заставило болезнь начать прогрессировать. Возможно, что обширный инфаркт и переход на инсулин ускорили процесс. Михаил старался не сдаваться, работал даже в больнице, писал каждую свободную минуту. А сколько идей было у него в голове! Сколько новых планов! Архив — это кладезь непознанного, неоткрытого. Михаил умел найти в Архиве чрезвычайно интересные материалы и сделать их доступными другим исследователям. Он всегда радовался, когда обнаруживал совершенно не тронутые никем документы, и говорил, что обязательно о них напишет, чтобы люди могли узнать о том или ином важном событии в истории Академии наук или в жизни и творчестве отдельного ученого.

Как жаль, что он ушел в расцвете своей творческой деятельности. А дети и я потеряли близкого человека, который в трудную минуту всегда мог помочь нам советом и делом. Светлая ему память!

Михаил Шмилевич Файнштейн
(3 мая 1948 г. – 20 сентября 2003 г.)

историк науки, культуры и литературы России и Латинской Америки, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук

Библиографический указатель

1963

1. Родина или смерть! Мы победим! // Ленинские искры. 1963. 1 мая.

1974

2. Новые материалы Г. Г. Манизера по экспедиции в Южную Америку в 1914–1915 гг. // Проблемы исследования Америки в XIX–XX вв. Тезисы докладов конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа. Ленинград, 22–24 окт. 1974 г. / Отв. ред. С. В. Калесник. Л.: АН СССР, ГО СССР, 1974. С. 73–74.

1975

3. Конкистадоры в Петербурге // В мире книг. 1975. № 2. С. 80.

4. К 50-летию первой советской экспедиции в Латинскую Америку (1925–1928) // Латинская Америка / Академия наук

СССР. Институт Латинской Америки. М.: Наука, 1975. № 5. С. 134–142.

5. Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа // Известия ВГО. 1975. Т. 107. Вып. 6. С. 552–553.

6. История создания Словаря Академии Российской (1789–1794) (по материалам ЛО Архива АН СССР) // Вторая Южно-Уральская археографическая конференция. Археография и источниковедение истории литературы и языка. Тезисы докладов и сообщений / Южно-Уральское отделение Археографической комиссии АН СССР. Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Оренбургское областное отделение ВООПИК. Уфа, 1975. С. 80.

1976

7. Из истории создания «Словаря Академии Российской» (1789–1794) // Вестник ЛГУ. История. Язык. Литература. Л., 1976. Вып. 2. № 8. С. 146–148.

1977

8. Письма и рисунки Г. Г. Манизера в Архиве АН СССР // Латинская Америка / Академия наук СССР. Институт Латинской Америки. М.: Наука, 1977. № 3. С. 166–174.

1978

9. Из истории русских и советских исследований в Венесуэле // Известия ВГО. 1978. Т. 110. Вып. 1. С. 68–71.

10. Конференция читателей в Ленинграде // Латинская Америка. 1978. № 3. С. 222–224. Совместно с В. А. Афанасьевым.

11. Ленинградский автограф Симона Боливара // Латинская Америка. 1978. № 2. С. 144–149.

12. Autógrafo desconocido de Simón Bolívar // América Latina / Academia de Ciencias de la URSS. Instituto de America Latina. Moscú: Editorial Progreso, 1978. № 2 (18). P. 183–188.

1979

13. Лексикография и международные связи Российской Академии (1783–1841) // Лексикографические исследования.

1979. Вопросы межкуровневого анализа языков различных типов. М., 1979. С. 240–246.

1980

14. Мария Тереса Карреньо и Россия // Латинская Америка. 1980. № 1. С. 124–128.

15. Bolivar en la prensa rusa y soviética // América Latina. 1980. № 9. P. 44–52.

16. Боливар в русской и советской печати // Латинская Америка. 1980. № 10. С. 43–51.

17. Бразилия в русских изданиях XVIII в. // Россия, СССР — Бразилия: 150 лет отношений / Академия наук СССР. Институт Латинской Америки. М.: Наука, 1980. С. 138–145.

18. А. С. Шишков и Словарь Академии Российской (1789–1794) // Словари и словарное дело в России XVIII в. / Академия наук СССР. Институт русского языка. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. С. 157–163.

1981

19. Maria Teresa Carreño y Rusia // América Latina. 1981. № 1–2. P. 270–275.

20. Словопроизводные словари Российской Академии. 30–40-е годы XIX в. // Русская речь. М., 1981. № 4. С. 74–77

21. Перуанская тема в русских изданиях XVIII в. // Латинская Америка. 1981. № 9. С. 128–135.

22. Синхронистический указатель к выпускам 1–3 «Архивы Академий наук социалистических стран» // Архивы Академий наук социалистических стран: Указатель литературы. Л., 1981. Вып. 3. С. 185–195.

1982

23. Проблемы словопроизводного словаря русского языка в трудах Российской Академии (1810–40-е гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Л., 1982. 16 с.

1983

24. Боливар, русская общественная мысль и второй Венесуэльский кризис // Латинская Америка: Боливар и со-

временность. Международная научная конференция. Москва, 14–15 июня 1983 г. Тезисы докладов и выступлений советских участников. М., 1983. С. 35–37.

25. Simon Bolivar, opinion publica de Rusia y segunda crisis venezolana // *América Latina: Bolívar y la Actualidad. Conferencia teórico-científica internacional*. Moscú, 14–15 de junio de 1983. Tesis de informes y ponencias de los participantes soviéticos / Academia de Ciencias de la URSS, Instituto de América Latina, Asociación Soviética de Amistad y Relaciones Culturales con los países de América Latina. Moscú, 1983. P. 36–38.

26. Dos biografías del Libertador // *América Latina*. 1983. № 6. P. 84–89.

27. О двух биографиях Симона Боливара // *Латинская Америка*. 1983. № 7. С. 114–119.

28. Каравеллы плывут на запад // *Мексика — СССР*. Мехико: АПН, 1983. № 8.

29. По страницам американских произведений Ломоносова и Сумарокова // *Мексика — СССР*. Мехико: АПН, 1983. № 10.

30. Инки в России // *Enfoques desde Rusia*. Buenos Aires, 1983. № 10.

31. Гуссен Лувертюр и Карамзин // *Enfoques desde Rusia*. Bogota, 1983. № 12.

1984

32. Деятели русской культуры. Александр Семенович Шишков (1754–1841) // *Русская речь*. М., 1984. № 4. С. 117–123. Совместно с Л. Л. Кутиной.

33. Оставит имя свое в летописях нашего времени // *Латинская Америка*. 1984. № 9. С. 117–132.

34. Дневник Франсиско Миранды как источник по географии России последней трети XVIII в. // *География России XV–XVIII вв. (по сведениям иностранцев)*. Сб. науч. трудов / АН СССР. ГО СССР / Отв. ред. И. П. Шаскольский. Л., 1984. С. 99–102.

35. Из истории русско-латиноамериканских научных связей // *Известия из Советского Союза*. Буэнос-Айрес, 1984. № 3.

1985

36. Боливар, Россия и Венесуэльский кризис 1902–1903 гг. // *Симон Боливар: История и современность*. М., 1985. С. 242–252.

37. Книги А. В. Зражевской в пушкинской библиотеке // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Сб. науч. трудов / АН СССР. Отделение литературы и языка. Пушкинская комиссия. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985. С. 152–154.

38. Из истории русско-аргентинских научных связей // Россия, СССР – Аргентина: 100 лет отношений / Академия наук СССР. Институт Латинской Америки / Отв. редактор А. И. Сизоненко. М., 1985. С. 19–27.

39. Калужские издания П. С. Батурина // Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв. / Сб. науч. трудов. Л.: Библиотека АН СССР, 1985. С. 132–139.

40. Иван Гейм и его роль в развитии книжного дела в России // Книга в России до середины XIX века. 3-я Всесоюзная научная конференция. Ленинград, 2–4 октября 1985. Тезисы докладов / Академия наук СССР. Научный совет по комплексной программе «История мировой культуры». Библиотека АН СССР / Отв. редактор К. В. Лютова. Л., 1985. С. 124–125.

41. Первый зарубежный отзыв на «Словарь Академии Российской» (1789–1794) // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 104–110. Совместно с В. И. Осиповым.

42. ...dejará su nombre en los anales de nuestro tiempo («Черный Спартак» в России) // América Latina. 1985. № 9. P. 75–86.

43. Они были первыми // Известия из Советского Союза. Буэнос-Айрес, 1985. № 10.

1986

44. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии) // Серия «Страницы истории нашей Родины» / АН СССР / Отв. ред. А. С. Мыльников. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. 152 с. Совместно с В. В. Коломиновым.

45. Книжные интересы М. В. Ломоносова и Америка // Ломоносов и книга. Сб. науч. трудов. Л.: Библиотека АН СССР, 1986. С. 139–144.

46. Бородина Мелитина Александровна (фонд 947) // Обозрение архивных материалов. Труды Архива Академии наук СССР. Л.: Наука, 1986. Т. VIII. Вып. 28. С. 109–110.

47. Гурвич Александр Гаврилович (фонд 1076) // Там же. С. 66.

48. Манизер Генрих Генрихович (фонд 985) // Там же. С. 128.
49. Фишер фон Вальдгейм Александр Александрович (фонд 1037) // Там же. С. 87–88.

1987

50. Центральная Америка: обращаясь к прошлому // Латинская Америка. 1987. № 7. С. 107–114.
51. Из истории издательской деятельности Российской Академии (Бальзак в России) // Книга в России XVI – середина XIX в. Книгораспространение, библиотека, читатель. Сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 154–162.
52. Список печатных трудов Е. С. Кулябко // Археографический ежегодник за 1985. М.: Наука, 1987. С. 300–301.

1988

53. Петербургский адрес Франсиско Миранды // Латинская Америка. 1988. № 2. С. 121–123.
54. Документальное наследие И. И. Срезневского в ЛО Архива АН СССР // Ломоносов и книга. Сб. науч. трудов / Библиотека АН СССР. Л., 1988. С. 114–118.
55. Роман Ж. Лаваля «Негр, или Черной, каких мало бывает белых» и его судьба в России (Le roman de Joseph La Vallée «Le negre comme il a peu de blancs» et sa distine en Russie) // Книга в России в эпоху Просвещения. Л.: Библиотека АН СССР, 1988. С. 74–78.
56. Цветы памяти // Ленинградская правда. 1988. 9 декабря. № 283 (22425). С. 3.
57. Вокруг одной статьи Пушкина // Временник Пушкинской комиссии / Сб. науч. статей. Л., 1988. Вып. 22. С. 158–161.
58. Литературные связи Латинской Америки и России // История литератур Латинской Америки. От войны за независимость до завершения национальной государственной консолидации (1810–1870-е годы). М., 1988. Т. 2. С. 583–637. Совместно с В. Н. Кутейщиковой.
59. Evocando el pasado de América Central // América Latina. 1988. No. 2. P. 77–81.

1989

60. Писательницы пушкинской поры: Историко-литературные очерки // Литературоведение и языкознание. Серия «Научно-

популярная литература» / Отв. ред. С. А. Фомичев. М.: Наука, 1989. 173 с.

61. И. А. Гейм — ученый, издатель и педагог // Книга в России XVII — начала XIX в. Проблемы создания и распространения. Сб. науч. трудов. Л., 1989. С. 56–60.

1990

62. Siguiendo las huellas de Colón. Relatos de escritores, científicos y viajeros rusos y soviéticos sobre América Latina (Уже Колумбу вслед... Русские и советские писатели, ученые и путешественники о Латинской Америке) // Сост., коммент. М. Ш. Файнштейна. Moscú: Editorial Progreso, 1990. 311 с.

63. Из истории русско-мексиканских научных связей // Россия — Мексика: 100 лет дипломатических отношений 1890–1990 / Академия наук СССР. Институт Латинской Америки АН СССР / Отв. ред. А. Д. Бекарович, А. И. Сизоненко. М., 1990. С. 26–35.

64. Издательское дело Российской Академии в 1830-е гг. // Книга в России. XVI — середина XIX в. Тезисы докладов 4-й Всесоюзной научной конференции «Книга в России: Век Просвещения». Ленинград, 11–13 декабря 1990 / Академия наук СССР. Научный совет по комплексной программе «История мировой культуры». Библиотека Академии наук СССР. Л., 1990. С. 177–183.

65. Просветительские традиции Российской Академии // Там же. С. 25–26.

66. История одной коллекции // Латинская Америка. 1990. № 12. С. 127–131.

67. По следам одного литературного сюжета // Латинская Америка. 1990. № 7. С. 111–118.

1991

68. Колумб и Россия // La Casana. Genova: Banca Carige SpA, 1991. № 4. P. 50–51.

69. А. Г. Ротчев: Воспоминания русского путешественника / Сост., предисл. и коммент. М. Ш. Файнштейна. М.: Наука, 1991.

70. По следам одного литературного сюжета: В. Гюго в России // Латинская Америка. 1991. № 6. С. 127–137.

1992

71. Легенды старого Петербурга // Сост., примеч. М. Ш. Файнштейна. М.: Панорама, 1992. 144 с.

72. Вознесены на пьедестал. Серия «Мгновения истории». Популярная библиотека «Коробейник». М.: Панорама, 1992. 46 с.

73. Из истории Российской Колумбиады // Латинская Америка / Российская Академия наук. Отделение проблем мировой экономики и международных отношений. Институт Латинской Америки. М.: Наука, 1992. № 2–3. С. 106–114; № 5–6. С. 58–64.

74. Colombo alla corte dello zar. I quadri colombiani del pittore russo Aivasovski // COLUMBUS-92. Rivista ufficiale delle celebrazioni colombiane. Genova: Edizioni Colombo S.R.L., 1992. № 1–2 (58). P. 5–7.

75. Юбилей открытия Америки и Русское Географическое общество: страницы истории // Известия РГО. 1992. № 5. С. 393–396.

76. Цена истины // Природа. 1992. № 8. С. 126–128.

77. Российская Академия // Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград: энциклопедический справочник. М., 1992. С. 17.

78. Дашкова Е. Р // Там же. С. 173.

79. Судьба Словаря русских ботаников // Природа. 1992. № 8. С. 126–128.

80. Dos Humanidades. El tema colombino en Rusia y las relaciones con America Latina. Páginas de la historia. Enfoques desde Rusia // America Latina. 1992. № 2. P. 73–89.

81. В. Ю. Дрентельн // Русские писатели: 1800–1917. М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия» ФИАНИТ, 1992. Т. 2. С. 182.

82. А. С. Ионин // Там же. С. 421–422.

83. Русские писательницы 1820–1840-х годов // Russland aus der Feder seiner Frauen zum femininen Diskurs in der russischen Literatur. Materialien des am 21/22 Mai im Fachbereich Slavistik der Universität Potsdam durchgeführten Kolloquiums // Slavistische Beiträge. München: 1992. Bd 297. S. 29–33.

1993

84. Из истории собрания А. Ф. Онегина в Пушкинском доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990. СПб.: ИРЛИ, 1993. С. 307–316.

85. Balzac et la censure russe // Balzac dans l'Empire Russe. De la Russie à l'Ukraine. Paris: Paris-Musées Editions des Cendres, 1993. P. 89–98.

86. О фонде И. И. Срезневского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН // Славянские языки, письменность и культура. Сб. науч. трудов. Киев, 1993. С. 249–257.

87. Первые сведения о русских писательницах XVIII в. в Европе // Тезисы докладов конференции «Российские женщины и европейская культура» / Отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб., 1993. С. 12–13.

1994

88. Усовершенствовать и возвеличить слово наше... Словарное дело Российской Академии (1783–1841) / СПб. фил.-ал Архива РАН. СПб., 1994. 294 с.

89. Gotóvtseva Anna Ivánovna // Dictionary of Russian Women Writers / Ed. by Marina Ledkovsky, Charlotte Rosenthal, Mary Zirin. London: Greenwood Press; Westport, Connecticut, 1994. P. 227.

90. Ishíмова Aleksándra Ósipovna // Ibid. P. 262–263.

91. Krichévskaja Liubóv Iákovlevna // Ibid. P. 340–341.

92. Lisíthyna Mariia Aleksándrovna // Ibid. P. 377–378.

93. Miklashévich Varvára Semënovna // Ibid. P. 424.

94. Shálikova Natál'ia Petróvna // Ibid. P. 576–577.

95. Zakrévskaja Sof'ia Arsén'evna // Ibid. P. 737–738.

96. Zrazhévskaja Aleksándra Vasil'evna // Ibid. P. 757–759.

97. Северная Коринна // *Aroutunova B.* Lives in Letters: Princess Zinaida Volkonskaya and her Correspondence. Columbus. Genova, 1994. P. 383–385.

1995

98. Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII – первой трети XX в. // Сб. науч. статей / Сост. М. Ш. Файнштейн / *FrauenLiteraturGeschichte. Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur.* Wilhelmshorst: Verlag F. K. Göpfert, 1995. Bd 2. 228 S.

99. О восточных повестях Е. А. Ган // Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII – первой трети XX в. Сб. науч. ст. / Сост. М. Ш. Файнштейн / *FrauenLiteraturGeschichte.*

Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur. Bd 2. S. 199–203.

100. Der russische Heidelberger Sergei Svatikov. Biographische Skizze // Heidelberger Almanach aus dem Jahre 1912. Übersetzte und erweiterte Ausgabe. Russica Palatina. Skripten der russischen Abteilung des Instituts für Übersetzen und Dolmetschen der Universität Heidelberg / Hrg. Prof. W. Birkenmaier, Prof. M. Feinstein, E. Wischhöfer. Heidelberg, 1995. Bd 25a. S. 12–26.

101. Загадка Марка Басанина // Феминизм и российская культура. СПб.: Междунар. ин-т «Женщина и управление», 1995. С. 117–127.

102. Из Гарварда в Ленинград: Письма Р. О. Якобсона к В. М. Жирмунскому // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Вып. 4. С. 125–134.

103. Русская душа. Сборник поэзии и прозы современных писательниц русской провинции / Ред.-сост. Г. Г. Скворцова-Акбулатова. Научно-исследовательская группа: Ф. К. Гёпферт (Университет Потсдама), М. Ш. Файнштейн (СПб. филиал Архива РАН). Frauen literatur geschichte. 1995. 237 с. Совместно с ассоциацией писательниц «Мария» (Петрозаводск, Россия).

1996

104. Екатерина II и развитие языкознания в России // Katharina II. Eine russische Schriftstellerin // Frauen literatur geschichte. Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur. 1996. Bd 5. S. 27–38.

105. Из воспоминаний А. С. Шишкова о Екатерине II // Там же. S. 49–54.

106. О материалах по русско-польским научным связям в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН // Архивы России и Польши: Актуальные проблемы развития и сотрудничества / Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 21–22.

107. Biographisches Lexikon des Russischen Heidelberg // Russica Palatina / Skripten der russischen Abteilung des Instituts für Übersetzen und Dolmetschen der Universität Heidelberg. Institut für Übersetzen und Dolmetschen der Universität Heidelberg, Russische Abteilung. Санкт-Петербургский ф-л Архива РАН. М. Ш. Файнштейн. Heidelberg, 1996. № 27. 169 S.

108. Из истории русско-норвежских связей: по материалам СПб. филиала Архива РАН // Российско-норвежские контакты. СПб.: Европейский дом, 1996. С. 9–51.

109. Проблемы женской эмансипации в произведениях писательниц России и Германии (конец XIX – начало XX вв.) // Женщины Серебряного века: жизнь и творчество. Тезисы докладов III науч. конф. «Российские женщины и европейская культура». С.-Петербург, 23–25 сентября 1996 г. СПб., 1996. С. 66–68.

110. Из истории издания литературного наследия К. К. Павловой // Ежеквартальник русской филологии и культуры. Russian Studies. 1996. Т. II. № 3. С. 309–319. Совместно с Ф. Гёпфертом.

1997

111. Анфилада: Сборник стихотворений / Сост. Марина Палей, Ольга Хвостова. Literaturwissenschaftliche Projektgruppe F. Göpfert (Universität Potsdam), M. Š. Fajņštejn (St. Petersburg Filiale des Archivs der Akademie der Wissenschaften Russlands) // Frauen literatur geschichte. Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur. 1997. Bd 7. 215 S.

112. Лицом к лицу: «женская тема» в произведениях писательниц России и Германии на рубеже XIX–XX вв. // О благородстве и преимуществе женского пола: Из истории женского вопроса в России. Сб. науч. трудов / Науч. ред и сост. Р. Ш. Ганелин / СПб. Гос. Академия культуры. Невский ин-т языка и лит-ры. Женская гуманитарная коллегия им. А. П. Философовой. СПб., 1997. С. 110–116.

1998

113. М. П. Благовещенская: Из истории русско-финских литературных связей // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. Историко-культурный контекст и личность / С.-Петерб. Научный центр РАН. С.-Петерб. фонд им. М. В. Ломоносова. Институт Финляндии в Санкт-Петербурге. СПб.: Европейский дом, 1998, изд. 2-е. С. 95–100.

114. К. И. Яниш – первый директор Демидовского высших наук училища // Немцы и развитие образования в России / СПб. научный центр РАН. Семинар «Немцы в России и русско-

немецкие научные и культурные связи. СПб., 1998. С. 188–191. Совместно с А. А. Стриженко.

115. Предстательницы муз. Русские поэтессы XVIII в. / Сост. Ф. Гёпферт, М. Ш. Файнштейн // *Frauen literatur geschichte. Texte und Materialien zur russischen Frauen literatur*. 1998. Bd. 9. 284 с.

116. Российская Академия (1783–1841) и русская культура в конце XVIII – перв. пол. XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1998. 51 с.

117. Александр Семенович Шишков // *Отечественные лексикографы XVIII–XIX вв.: Материалы для хрестоматии* / Под ред. Г. А. Богатовой. М., 1998. Ч. 2. С. 735–750.

118. Рукописи Х. Вольфа в Архиве Российской Академии наук // *Философский век: Христиан Вольф и русское вольфианство*. СПб., 1998. С. 384–393.

119. Российская Академия (1783–1841) в николаевскую эпоху // *Философский век. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение* / Альманах. СПб., 1998. Вып. 6. С. 65–73.

120. Peter de Grote in Zaandam // *Ons Erfdeel*. 1998. № 1. P. 720–733. Совместно с Э. Вагемансом.

1999

121. Объединение двух Академий // *ВИЕТ/Рос. Акад. наук / Ин-т истории естествознания и техники* / Гл. ред. В. М. Орел. М.: Наука, 1999. № 2. С. 40–55.

122. Ivan Ivanovič Janžul: Bausteine einer vergessenen Biographie // *Russica Palatina*. 1999. № 33. P. 19–25.

123. Heidelberg am Schnittpunkt russischer Lebensläufe // *Ibid.* 172 S.

124. Профессора Гейдельбергского университета — члены Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // *Петербургская Академия наук в истории академий мира: к 275-летию Академии наук. Материалы Международной конференции*. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 2. С. 168–170.

125. Из истории отечественной византистики: забытый проект Российской Академии // *Рукописное наследие рус-*

ских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб.: Дм. Буланин, 1999. С. 521–536.

126. Russische Mediziner in Heidelberg // Russian-german Links in Biology and Medicine: 300 year Experience of interactions. International Conference, September 14–16, 1999 ABSTRACTS / Ed. by L. J. Borkin, E. I. Kolchinsky. St. Petersburg, 1999. P. 20.

127. Забытый юбилей: первая русская романистка Варвара Семеновна Миклашевич // Пером и прелестью: Женщины в пантеоне русской литературы / Сб. статей. / Под ред. Ванды Лящак и Дарьи Амброзьяк / Опольский университет. Ополе, 1999. С. 64–68.

128. О первых типографиях Петербурга // Печатное дело. 1999. Май. № 1. С. 7.

129. Петербургские типографии в царствование Екатерины II // Там же. № 2–3. С. 7.

130. Мы благодарны любезной сочинительнице. Проза и переводы русских писательниц конца XVIII века / Сост. Ф. Гёнферт, М. Файнштейн // Frauen literatur geschichte. Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur. Fichtenwalde: F. K. Göpfert Verlag, 1999. Bd 11. 213 S.

131. Словарные работы Российской Академии. 1810–1840-е годы // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1999. С. 139–145.

132. Ausländer als Expeditionsteilnehmer in Russland im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Alexander von Humboldt – Netzwerke des Wissens. Berlin; Bonn, 1999. S. 178–180.

2000

133. Российская Академия и русские писательницы // ABSTRACTS. VI Icces World Congress 29 July –3 August 2000. Tampere, Finland. Tampere, 2000. P. 111–112.

134. П. Корсаков: из истории русско-голландских литературных связей // Россия – Голландия. Книжные связи XV–XX вв. / Сост. и науч. ред. Н. П. Копанева / С.-Петербургский филиал Архива РАН. СПб.: Европейский дом, 2000. С. 306–312.

135. Карл Бреверн // Во главе первенствующего ученого сообщества России: Очерки жизни и деятельности президентов Имп. С.-Петерб. Акад. наук. 1725–1917. СПб.: Наука, 2000. С. 52–56.

136. Heidelberger Professoren in russischer Sicht. Dokumente aus der Zeit um 1900 // *Russica Palatina*. 2000. № 34. 162 с.

137. Русский ботаник в стране Восходящего солнца (1861–1864). Максимович и Макино. Растения, которые вернулись к Тоса из России // Каталог выставки / Ботанич. ин-т им. Комарова РАН. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ботанич. Сад им. Т. Макино. Кочи, 2000. С. 16–18.

138. О материалах С. Б. Линде в архивохранилищах С.-Петербурга // *The sciences Archives in the European Integration. Materials of the International Conference*. Warshaw, Poland, 2–3 Desember 1999. Warshaw, 2000. P. 23–24.

139. Русские научные исследования в Америке (1820–1930-е гг.) // Наука и техника: Вопр. истории и теории. Тез. XXI годичной конф. СПб. отд-ния Рос. Нац. к-та по истории и философии науки и техники. Санкт-Петербург, 20–24 ноября 2000 г. / Научно-техн. совет при губернаторе С.-Петербурга, секция «Культура и образование». Российская Академия наук. СПб. Научный центр. СПб. университет. СПб. отд-ние Рос. нац. комитета по истории и философии науки и техники / Отв.ред. Э. И. Колчинский. СПб., 2000. Вып. XVI. С. 40.

2001

140. Die Russische Akademie (1783–1841) — ein Kind der russischen Aufklärung // *Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825) / Aufklärung und Europa*. Schriftenreihe des Forschungszentrums Europäische Aufklärung e.V. Hrsg. Gabriela Lehmann-Carli, Michael Schippan, Birgit Scholz, Silke Brohm. Berlin: Verlag Arno Spitz GmbH, 2001. S. 643–652.

141. Music and Painting in Karolina Pavlova's life // *Essays on Karolina Pavlova* / Ed. S. Fusso and Lehrman. Evanston: Illinois, NWUP, 2001. P. 230–240.

142. Über E.W. Bretschneiders Materialien in den Sammlungen des St.-Petersburger Filiale des Archivs der Russischen Akademie der Wissenschaften // *Russian-german Links in Biology and Medicine* // ABSTRACTS. International Conference. Sept. 17–19, 2001. SPb., 2001. P. 8–9.

143. Из истории русско-скандинавских литературных связей: М. П. Благовещенская // *Российские женщины и европей-*

ская культура: Мат-лы V конф, посв. теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб: С.-Петерб. филос. об-во, 2001. С. 260.

144. Dmitrij Dolgorukov (1797–1869). Dmitrij Dolgorukov i suoi ricordi dell' Italia // Passi, passaggi, passioni, scrittori, poeti, artisti russi in Liguria nel corso di un secolo (1825–1925). A cura di Augusta Dokukina Böbel, Caterina Maria Feannacca. Genova: De Ferrari editore. 2001. P. 11–14.

145. Vladimir Jakovlev (1817–1884). Genova alla metà del XIX secolo visto da un viaggiatore russo // Там же. 2001. P. 17–32.

2002

146. И славу Франции в России превзойти...Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук / Московский гуманитарный ин-т им. Е. Р. Дашковой. Архив Российской Академии наук, СПб. ф-л / Науч. ред. В. С. Соболев. Отв. ред. Л. В. Тычинина. М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 192 с.

147. Меня Вы назвали поэтом... Жизнь и литературное творчество К. К. Павловой в ретроспективе времени // FrauenLiteraturGeschichte. 2002. Bd 15. 179 S.

148. Российская Академия (1783–1841) и русская культура в конце XVIII – первой половине XIX в. СПб., 2002.

149. Новые сведения о биографии А. В. Ганзен // Женщина в гражданском обществе: история, философия, социология. Материалы VI конференции «Российские женщины и европейская культура», посвященной теории и истории женского вопроса и общественного движения / СПб. ГУ. Фонд Конрада Аденауэра. Философский факультет. Учебно-научный гендерный центр. Факультет социологии. Невский ин-т языка и культуры / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб., 2002. С. 118–124.

150. Э. В. Бретшнейдер и его материалы в архиве РАН (Санкт-Петербург) // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. Между наукой и идеологией / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб.: Борей Арт, 2002. Вып. III. С. 60–64.

151. Academie der Wissenschaften // Lexikon der russischen Kultur. Darmstadt: Primus Verlag, 2002. S. 16–18.